

Дарья Семёнова

Лицей №2, 9 класс
.....

Несладкая жизнь «сахарного ребёнка»

Отзыв о книге

«Сахарный ребёнок» — роман Ольги Громовой, написанный на основе воспоминаний Стеллы Нудольской, которая и стала главной героиней книги. Произведение честно повествует о страшных, жестоких и тёмных временах сталинских репрессий, о событиях, которые прошли через призму детского разума с его наивностью, чистотой и верой в хорошее. Это — детский взгляд на совершенно не детские вещи, который поражает своей искренностью и неожиданными для ребёнка мудростью, пониманием и зрелостью.

Эля Нудольская — счастливый ребёнок. У неё есть родители, которые бесконечно любят её и заботятся о ней. Однажды всё резко меняется — её отца арестуют по обвинению в измене родине. С тех пор жизнь превращается в череду тяжёлых испытаний — на них с матерью лежит страшное клеймо ЧСИР (член семьи изменника родины) и СОЭ (социально опасный элемент). Им предстоит отправиться на стройку лагеря для политических заключённых, где их ждёт непосильный труд, а затем ссылки, переезды, и везде — страх и новые «проверки на прочность», пройти которые дано далеко не каждому. Так Эля с детства учится молчать, ни в коем случае не задавать вопросов, не жаловаться и не нарушать запретов. Но даже там, где с ними обращаются как с рабами и приножуют к тяжёлой работе, мама учит Стеллу: «Рабство — состояние души. Свободного человека сделать рабом невозможно». В романе Эля проявляет себя как удивительный ребёнок: наивная, добрая девочка с богатым воображением, которая к тому же всё понимает, может постоять за себя, не боится испытаний, а однажды даже спасает своей маме жизнь.

Однако роман не цеплял бы так сильно, если бы в нём описывалось только всё плохое, что случилось с маленькой Элей. Казалось бы — не может

быть никакого детства и счастья, когда приходится каждый день бороться за право жить. Да, жизнь у «сахарного ребёнка» совсем не сладкая. Вопреки этому, Эля и её мама не сдаются: они по-прежнему шутят, рассказывают истории, играют и учатся находить счастье и радость тогда, когда нет даже уверенности в завтрашнем дне. И в эту тяжёлую пору, когда некому довериться и не на кого рассчитывать, помощь и добро приходят совершенно неожиданно. На их нелёгком пути им встречается много неравнодушных людей, добрых поступков и человечности. «Хороших людей вокруг всё равно больше, чем плохих, надо только, чтобы твоя обида на жизнь их не заслоняла», — вот одна из многих важных вещей, которым научилась Эля за всё время жизни в ссылке.

Книга «Сахарный ребёнок» — это жестокая историческая правда глазами ребёнка, которая поможет узнать, что же на самом деле скрывалось за страшными словами «враг народа», это история о судьбах людей, обречённых на наказание за преступление, которого они не совершали. История о силе духа, умения быть счастливым среди хаоса вокруг, смелости и отваге. О семье, о жертвенной любви матери и дочери, которая спасёт от всех бед. Роман учит быть верным себе и своим принципам, думать, «слушать сердцем» и всегда, при любых обстоятельствах оставаться человеком.

Владислав Скоробогатов

Лицей №28, 8 класс
.....

Сенсация!

Homo habilis

Homo erectus

Homo sapiens

А что дальше?

Если вы не думаете о будущем, то у вас его нет.

Сейчас или никогда! У нас появилась возможность узнать самое неизведанное — наше будущее! Узнать, к чему в конце концов приведёт нас наш

технический прогресс. Узнать, что будет с нами — поколением homo sapiens XXI — в двадцать пятом веке (если, конечно, таковые homo будут иметь место в будущем). Сегодня вниманию общественности представляется человек, сумевший сделать путешествия во времени возможными. Итак, доктор физико-химических наук, профессор кафедры паранормальных явлений Красноярской государственной академии внутренних дел России, главный специалист Красноярского края по связям с общественностью, лауреат Нобелевской премии 2399 года за достижения в области биоэнергетических наук, homo двадцать пятого века Эзон Дизраэли. Да, действительно, он прибыл к нам из будущего, чтобы показать, куда катится мир. Что это мы всё о себе да о себе? Давайте предоставим слово нашему гостю.

Самая большая проблема, которая встала перед нами в двадцать пятом веке, — это проблема окружающей среды. Мы до сих пор не можем понять, зачем в двадцать первом веке на территорию Красноярского края завозили ядерные отходы со всего мира. Ради денег?.. Но нельзя же быть такими меркантильными. Ведь вы были одним из самых богатых регионов мира, а зарабатывали деньги таким путём. Ваш край располагал развитой промышленностью и активно участвовал в российском и международном рынках. В системе международного разделения труда край выступал мощным топливно-энергетическим комплексом с энергоёмкими производствами цветной металлургии, химической промышленности и машиностроения, добычей ценного минерального сырья, лесопромышленными отраслями. По экспортному потенциалу край входил в пятёрку лидирующих регионов России и занимал ведущее место в Сибири. По объёмам лесозаготовок край занимал третье место в России, по производству пиломатериалов — первое. В лесной отрасли края работало более двухсот предприятий. Древесина традиционно оставалась одной из главных статей красноярского экспорта. Но даже если вы решились на этот шаг, ничего не нужно доводить до крайности: человек, желающий трапезовать слишком поздно, рискует трапезовать на другой день поутру. А истина, которую пытаются найти многие, — вещь дорогая. Чтобы добыть её, иной раз нужны усилия многих поколений; одной жизни на это может и не хватить.

Людям моего времени размер этой самой жизни сократился настолько, что дети идут в школу в пять лет, а в двадцать — мы уже обязаны иметь одного ребёнка. Кроме того, я не есть представитель homo sapiens. Мой этап развития человечества получил название homo mutantos. В моём мире очень тяжело найти двух похожих по биологическим признакам людей. Из-за ваших ошибок страдают

ваши дети. Стоит ли это каких-то деревяшек? Подумайте об этом. Ведь вы уникальные люди! В этом я нисколько не сомневаюсь, следовательно, ничего не имею против этого. Если вы безразличны к себе, подумайте о животных, которые ни в чём не виноваты. Животный мир края всё ещё богат и разнообразен. На его территории обитает триста сорок два вида птиц и восемьдесят девять видов млекопитающих. На берегах и во льдах Северного Ледовитого океана водятся белые медведи, моржи, тюлени, нерпы. В тундре живут песцы, волки, лисы, горностаи, ласки. В тайге можно встретить бурого медведя, лося, марала, соболя, рысь, белку, зайца. В реках водится около тридцати видов промысловых рыб, в том числе осётр, стерлядь, таймень, хариус и другие.

Поколение моего века не имело счастья видеть этих представителей фауны.

О самой главной проблеме я вам рассказал. Об остальном узнаете сами, когда придёт время. Но напоследок хотелось бы сказать:

— Даже летом, отправляясь в вояж, бери с собой что-нибудь тёплое, ибо можешь ли ты знать, что случится в атмосфере?

— Время... продолжает служить человечеству и всей Вселенной постоянно в одинаковой полноте и непрерывности.

— Если бы всё прошедшее было настоящим, а настоящее продолжало существовать наряду с будущим, кто был бы в силах разобрать, где причины и где последствия?

— Мы никогда не знаем, что будет завтра, тем более мы не знаем, что будет послезавтра.

— Нельзя жить только в настоящем.

— Помните, что лёгкая жизнь может поставить в трудное положение.

Вполне возможно, что прошлое — всего лишь начало начал, а всё, что есть и было, — лишь первый луч зари.

Вполне возможно, что всё достигнутое человеческим разумом — всего лишь сон перед пробуждением...

Ксения Мельникова

Гимназия №3, 8 класс

.....

А что-то приходит со временем

Джону хоть и была отведена маленькая комнатка, но Нил не мог не отметить того, насколько же уютно ему было здесь находиться.

У профессора действительно много книг. По-настоящему много: в шкафу на полочке, склонившись корешками друг к другу, видимо, в хронологическом порядке, выстроились книжки по античной истории; на полу «башенкой» стояли три стопки

произведений из прошлого, названий и авторов которых не разглядеть было с порога. Даже на стуле, уместившемся между скромным шкафом и письменным столом, Нила встретила ровная стопка книг в разноцветных переплётках. Китинг, впрочем, переложил их на другой стул, чтобы позволить Нилу присесть для предстоящего разговора.

Наверное, профессор действительно был влюблён в литературу: взгляд ученика блуждает по комнате, желая зацепиться хоть за что-нибудь, что не стало бы так явно и откровенно напоминать о профессии мистера Китинга, и на столе обнаруживает фотографию в тонкой изящной рамочке. Девушка улыбается из-за гладкой поверхности стекла самой искренней улыбкой, но Нилу отчего-то кажется, что это совсем что-то личное. Однако он не может не обронить это милое слово «красивая», совершенно случайно смущая профессора Китинга.

— Да, но она в Лондоне, — профессор практически без промедлений отвечает юноше. — Далековато.

И правда, далеко — но не столько в расстоянии было дело, сколько в истории их знакомства. Джон Китинг никому об этом не рассказывал, почему — и сам не знал, но так уж выходило, что прошлое его оставалось туманным, покрытым чем-то прозрачным, но всё-таки ощутимым. Сдёрнуть он никому не позволял это «покрывало» — хотя, впрочем, никто и не пытался достучаться до самой сути, и, кажется, Китинг этому был только рад.

«Carpe diem» — «лови мгновение». Джон помнил об этом не всегда, далеко не всегда, но что-то должно приходиться со временем, как самый тяжёлый и важный урок.

Девушка с фотографии училась в колледже, когда Джон был моложе, глупее и совершенно точно красивее (последнее — только лишь по мнению самого Китинга, вне зависимости от возраста всегда отличавшегося замечательным чувством юмора). Они жили практически по соседству, конечно же, если расстояние в тридцать минут на велосипеде не мешает называть их колледжи «соседями». Она красивой была, нежной и трепетной, будто бы и вовсе не тронутой несправедливой родительской рукой, она училась словно в своё лишь удовольствие и занималась только тем, к чему действительно лежала её душа.

Джон был влюблён в неё до беспамятства — но тогда всё думал, что некогда было, совсем не до этого.

Уткнувшись носом в колючий шарф красного цвета — то ли потерял его вскоре, то ли выбросил, — он читал тогда какую-то книгу о философии. Читал, слушал, но не слышал, о чём сквозь постаревшие страницы и пальцы английского переводчика ему пытался сказать Гораций, — но трепетно соглашался, совсем не думая, что же это за «carpe diem», что же оно в самом деле означает.

Она присела тогда рядом, смотрела из-под ресниц долго-долго, прежде чем Китинг осмелился поднять на неё взгляд и слышном громко хлопнуть книгой, — зато она улыбнулась. Говорили до сумерек, пока пальцы не стали замерзать и в тонких перчатках точь-в-точь под стать его красному шарфу.

— «Carpe diem»... Знаешь, что это означает? Я знаю ведь, что не знаешь! — она кладёт свою сумку, перекинутую через плечо, на колени и ищет в ней что-то недолго, едва ли потратив чуть больше пяти секунд. — Можешь взять её себе, Джон.

Китинг был очарован: в его красной перчатке оказалась фотография девушки, которой он так и не признался, с которой не разговаривался и, что самое страшное, так и не поцеловался в тени октябрьского листопада.

В Лондоне её ждали, а девушке неприлично было делать первый шаг — да к тому же желание помочь, оказаться учителем для того, кто стремился им стать, ощущалось гораздо тяжелее и весомее, подобно чувству возможной горечи, если бы им пришлось расстаться, во всём друг другу сознавшись. Китинг был занят, как он считал, слишком важными вещами, чтобы поймать момент — и только потом смог понять, почему на её фотографии, вернее, на задней её стороне тонким почерком выведено аккуратное: «Carpe diem».

«Carpe diem» — «лови мгновение». Джон помнил об этом не всегда, далеко не всегда, но что-то должно приходиться со временем, как самый тяжёлый и важный урок.

— Как вы выносите это? — голос Нила Пэрри вытягивает из мимолётных воспоминаний, отразившихся на лице профессора тёплой улыбкой. — Вы вправе уехать из этой школы куда подальше.

— Мне нравится быть учителем. И места здешние нравятся, — Китинг бросает короткий взгляд на фотографию в тонкой изящной рамочке и отставляет чашку в сторонку. — Ну, так что стряслось?

Джону хотелось научить детей не только думать, но и понимать то, как устроено время — и чего может стоить потерянное мгновение.

Мария Черных

Школа №10, 11 класс

О дивный новый мир!

Сегодн... *помехи* кхм-кхм... *акустические помехи* Меня з... Демис Джо... *ш-ш-ш-ш-ш*

Приём! Наконец-то!

Надеюсь, меня хорошо слышно... Нашёл этот диктофон, постараюсь выжать из него все соки, пока он не сдох. Я нахожусь в том, что осталось

от рая, города будущего—Нео... Иронично, что это как бы новый... О дивный новый мир!

Все хотели начать всё с чистого листа. Заново. Как будто в людей это генетически заложено. Но, кхм... хех, этой не так-то просто. Хр-р-р-кхм. Простите, проклятая лучевая болезнь. Не прошло и столетки... мы повторили судьбу тех, кто здесь когда-то жил. Кстати, про н... *сильные помехи*

Чёрт возьми, работай!!! Мне отец рассказывал, когда я был ещё совсем пацаном, что здесь когда-то был тоже город, столица древней цивилизации. Да, прямо как наш. И однажды здесь, в горах, на которых тот город и держался, учёные что-то нашли. Это что-то осталось то ли со времён древних войн, то ли от какого-то супердиктатора прошлого.

В общем, что-то такое, что все помешались на исследованиях в глубочайших уголках шахт... А их андроиды уже не могли там работать, ну и сигнал терялся. И в ход пошли люди... Тысячи мужчин, женщин, затем детей и стариков—сначала добровольно, затем по призыву, ну а потом по принуждению, в том числе силой. Было, наверное, как на острове доктора Моро... Да, вы заметили уже, наверное, что я поклонник тысячелетней классики. Никто не знал, что там творилось. Они работали—опять же, как чернорабочие или подопытные—неизвестно, —на нижних ярусах шахт до тех пор, пока их по самый верх не затопило кровью... Уровень поднялся всё выше и выше, пока кровавые реки не потекли в город. Представляете, выходите вы утром за хлебом, а по водостоку вместо прозрачной дождевой стекает багряная вода!.. Хм-хм-хр-кхм...

А вместе с этими реками пришла и Революция. Кровавая. Все натурально озверели... Семь дней, семь ночей—жесточайшая бойня... И вдруг в одночасье город вымер! Возможно, из-за оружия нового поколения или ещё чего... Опустел, ну и, само собой, потом рассыпался в пыль, как и вся цивилизация...

А затем здесь появились мы и построили город Нео. Все мечтали сюда попасть, а ещё больше—работать на «Айкс корп.»—могущественную бизнес-империю, словно государство в государстве. Очевидно, что они знали про тайны гор по соседству, и явно больше, чем простые смертные, потому что первые их исследовательские экспедиции отправились именно туда...

Они вернулись, да, но какой-то взгляд у них был... Не такой, как раньше. И наш мэр... Я тогда

понял, что что-то не так: он уже спустя месяц утверждал, что новый проект поможет познать все тайны мироздания—связь с космосом, телекинез, «мы не одни во Вселенной» и всё такое...

А потом люди начали исчезать. К дому подъехала полицейская машина, человека просили подписать кое-какие бумаги, и больше его никто не видел...

Руководители «Айкс корп.» натурально сошли с ума! Их сообщения с галюэкрана с каждым днём выглядели всё безумнее, глаза превратились в узенькие щёлочки, сквозь которые на мир глядела необузданная злоба, иногда они даже на лай срывались во время прямого эфира... Это уже были не люди. За них говорил их новый сверхразум, которыйставлял опасаться чужаков, даже своих соседей. Начался геноцид. Интересно, на каком круге Ада по Данте они сейчас?

Правительство, естественно, начало беспокоиться, приняло решение ввести в Нео войска, поэтому «Айкс корп.» объявила о создании тоталитарного государства и на базе захваченных правительственных военных баз начало разворачивать масштабную кампанию для обороны, а затем—атаки на внешний мир. Только до последнего не хватило совсем чуть-чуть!..

Двести восемнадцатого дня 3945 года ВКС правительства сбросили на Нео две бомбы. Обе атомные. Одну в северной части города, другую в южной. Со времён японских трагедий такого ещё не было... Снова похоронили то, что дремлет в горных шахтах... *ухудшение сигнала*

...Прошло уже некоторое время, я нахожусь один в тоннеле метрополитена между станциями «Сансет-стрит» и «Гарден-Эйдж», где-то под бывшим главным офисом «Айкс корп.»—тем местом, где когда-то сидели нелюди, обладающие сверхразумом. Бесчеловечные и жестокие. Хуже животных. А я на них работал... Сегодня я вновь хочу предпринять вылазку на поверхность. Терять мне уже нечего.

Всё... Если кто-нибудь когда-нибудь найдёт эту запись... А я очень на это надеюсь... Отсюда нужно бежать без оглядки! Иначе вас также загонят в угол. Может, и вы тому будете причиной. Вы не будете испытывать недостатка в знаниях, у вас будет переизбыток их... и поедет крыша... Бесчеловечность, жестокость в глазах. Холод. Настоящий ад! Кто бы меня сейчас ни слышал, оставайтесь людьми...

Конец связи.